

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Виктор
ГЮГО

*Девяносто
третий год*

Роман

Москва

2017

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г99

Victor Marie Hugo
QUATREVINGT-TREIZE

Перевод с французского *Н. Жарковой*

Дизайн серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы фрагменты картины художника Шарля-Луи Мюллера «Переключка последних жертв террора, отправляемых на казнь» (1850)

Гюго, Виктор.

Г99 Девяносто третий год / Виктор Гюго ; [пер. с фр. Н. М. Жарковой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-699-99408-3

Последний роман великого французского писателя, поэта и драматурга Виктора Гюго (1802–1885) живописует бурные события Французской революции. Драматизм политических событий тесно переплетается с трагедией отдельных людей. В романе действуют как подлинные исторические личности — Робеспьер, Марат, Дантон, — так и ярко выписанные вымышленные персонажи, в которых уживаются жестокость и милосердие, фанатическая преданность политическим идеалам и обычные человеческие слабости, беспощадность и великодушие.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Жаркова Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2017

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-99408-3

Часть первая

В море

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДРЕЙСКИЙ ЛЕС

В последних числах мая 1793 года один из парижских батальонов, отправленных в Бретань под началом Сантерра, вел разведку в грозном Содрейском лесу близ Астилле. Около трехсот человек насчитывал теперь этот отряд, больше чем наполовину растаявший в горниле суровой войны. То было после боев под Аргонном, Жемапом и Вальми, когда в первом парижском батальоне из шестисот волонтеров осталось всего двадцать семь человек, во втором — тридцать три и в третьем — пятьдесят семь человек. Памятная година героических битв.

Во всех батальонах, посланных из Парижа в Вандею, было девятьсот двенадцать человек. Каждому батальону придали по три орудия. Сформировали их в спешном порядке. 25 апреля, в бытность Гойе министром юстиции и Бушотта военным министром, секция Бон-Консейль предложила послать в Вандею несколько батальонов волонтеров; член коммуны Любен сделал соответствующее представление; первого мая Сантерр уже мог направить к месту назначения двенадцать тысяч солдат, тридцать полевых орудий и батальон канониров. Построение этих батальонов, возникших молниеносно, оказалось столь разумным, что и посейчас еще служит образцом

при определении состава линейных рот; именно тогда впервые изменилось традиционное соотношение между числом солдат и числом унтер-офицеров.

28 апреля Коммуна города Парижа дала своим волонтерам краткий наказ: «Ни пощады, ни снисхождения!» К концу мая из двенадцати тысяч человек, покинувших Париж, восемь тысяч пали в бою.

Батальон, углубившийся в Содрейский лес, готов был к любым неожиданностям. Продвигались не торопясь. Зорко смотрели по сторонам направо и налево, вперед и назад; недаром Клебер говорил: «У солдата и на затылке глаза есть». Шли уже давно. Сколько могло быть времени? День сейчас или ночь? Неизвестно, ибо в таких глухих чащах безраздельно господствует вечерняя мгла, и в Содрейском лесу вечно разлит полумрак.

Трагическую славу стяжал себе Содрейский лес. Здесь, среди лесных зарослей, в ноябре 1792 года свершилось первое злодеяние гражданской войны. Из гибельных дебрей Содрея вышел свирепый хромец Мускетон; длинный список убийств, совершенных в здешних лесах и перелесках, вызывает невольную дрожь. Нет на всем свете места страшнее. Углубляясь в чащу, солдаты держались настороже. Все кругом было в цветенье; приходилось пробираться сквозь трепещущую завесу ветвей, изливавших сладостную свежесть молодой листвы; солнечные лучи с трудом пробивались сквозь зеленую мглу; под ногой шпажник, касатик, полевые нарциссы, весенний шафран, безыменные цветочки — предвестники тепла, словно шелковыми нитями и позументом расцвечивали пышный ковер трав, куда вплетался разнообразным узором мох; здесь он рассыпал свои звездочки, там извивался зелеными червячками. Солдаты шагали медленно в полном молчании, с опаской раздвигая кустарник. Над остриями штыков щебетали птицы.

В гуще Содрейского леса некогда, в мирные времена, устраивались охоты на пернатых, ныне здесь шла охота на людей.

Стеной стояли березы, вязы и дубы; под ногой растилась ровная земля; густая трава и мох поглощали шум человеческих шагов; ни тропинки, а если и встречалась случайная тропка, то тут же пропадала; заросли остролиста, терновника, папоротника, шпалеры колючего кустарника, и в десяти шагах невозможно разглядеть человека. Пролетавшая иногда над шатром ветвей цапля или водяная курочка указывали на близость болота.

А люди все шли. Шли навстречу неизвестности, страшась и с тревогой поджидая появления того, кого искали сами.

Время от времени попадались следы привала — выжженная земля, примятая трава, наспех сбитый из палок крест, груда окровавленных ветвей. Вот там готовили ужин, тут служили мессу, там перевязывали раненых. Но люди, побывавшие здесь, исчезли бесследно. Где они сейчас? Может быть, уже далеко? Может быть, совсем рядом, залегли в засаде с ружьем в руке? Лес словно вымер. Батальон двигался вперед с удвоенной осмотрительностью. Безлюдье — верный знак опасности. Невидно никого, тем больше оснований остерегаться. Недаром о Содрейском лесе ходила дурная слава.

В таких местах всегда возможна засада.

Тридцать гренадеров, отряженные в разведку под командой сержанта, ушли далеко от основной части отряда. С ними отправилась и батальонная маркитантка. Маркитантки вообще охотно следуют за головным отрядом. Пусть на каждом шагу подстерегает опасность, зато чего только не насмотришься... Любопытство — одно из проявлений женской храбрости.

Вдруг солдаты маленького передового отряда почувствовали тот знакомый охотнику трепет, который предупреждает его о близости звериного логова. Будто слабое дуновение пронеслось по ветвям кустарника, и, казалось, что-то шевельнулось в листве. Идущие впереди подали знак остальным.

Офицеру не для чего командовать действиями разведчика, в которых выслеживание сочетается с поиском; то, что должно быть сделано, делается само собой.

В мгновение ока подозрительное место было окружено и замкнуто в кольцо вскинутых ружей: черную глубь чаши взяли на прицел со всех четырех сторон, и солдаты, держа палец на курке, не отрывая глаз от цели, ждали лишь команды сержанта.

Но маркитантка отважно заглянула под шатер ветвей, и, когда сержант уже готов был отдать команду: «Пли!», раздался ее крик: «Стойте!»

Затем, повернувшись к солдатам, она добавила: «Не стреляйте, братцы!»

Она бросилась в кустарник. Солдаты последовали за ней.

И впрямь там кто-то был.

В самой гуще кустарника на краю круглой ямы, где лесорубы, как в печи, пережигают на уголь старые корневища, в просвете расступившихся ветвей, словно в зеленой горнице, полускрытой, как альков, завесою листвы, сидела на мху женщина; к ее обнаженной груди припал младенец, а на коленях у нее покоились две белокурые головки спящих детей постарше.

Это и была засада!

— Что вы здесь делаете? — воскликнула маркитантка.

Женщина молча подняла голову.

— Да вы, видно, с ума сошли, что сюда забрались! — добавила маркитантка.

И заключила:

— Еще минута, и вас бы на месте убили!..

Повернувшись к солдатам, она пояснила:

— Это женщина!

— Будто сами не видим! — сказал кто-то из гренатеров.

— Пойти вот так в лес, чтобы тебя тут же убили, — не унималась маркитантка, — надо ведь такую глупость придумать!

Женщина, оцепенев от страха, с изумлением, словно спросонья, глядела на ружья, сабли, штыки, на страшные лица.

Дети проснулись и захныкали.

— Мне есть хочется, — сказал один.

— Мне страшно, — сказал второй.

Лишь младенец продолжал спокойно сосать материнскую грудь.

Глядя на него, маркитантка проговорила:

— Только ты один не растерялся.

Мать онемела от ужаса.

— Да не бойтесь вы, — крикнул ей сержант, — мы из батальона Красный Колпак!

Женщина задрожала всем телом. Она робко взглянула на сержанта и не увидела на его обветренном лице ничего, кроме густых усов, густых бровей и пылавших, как уголья, глаз.

— Бывший батальон Красный Крест, — пояснила маркитантка.

А сержант добавил:

— Ты кто такая, сударыня, будешь?

Женщина, застыв от ужаса, не спускала с него глаз. Она была худенькая, бледная, еще молодая, в жалком рубище; на голову она, как все бретонские крестьянки, накинула огромный капюшон, а на плечи шерстяное одеяло, подвязанное у шеи веревкой. С равнодушием дикарки она даже не потрудилась прикрыть голую грудь. На избитых в кровь ногах не было ни чулок, ни обуви.

— Нищенка, что ли? — спросил сержант.

В разговор снова вмешалась маркитантка:

— Как звать-то?

Вопрос прозвучал по-солдатски грубо, но в нем чувствовалась чисто женская мягкость.

Женщина невнятно пробормотала в ответ:

— Мишель Флешар.

А маркитантка тем временем ласково гладила шершавой ладонью головку младенца.

— Сколько же нам времени? — спросила она.

Мать не поняла вопроса. Маркитантка повторила:

— Я спрашиваю, сколько ему лет?

— А, — ответила мать. — Полтора годика.

— Смотрите, какие мы взрослые, — воскликнула маркитантка. — Стыдно такому сосать. Придется, видно, мне отучать его от груди. Мы ему супу дадим.

Мать немного успокоилась. Двое старших ребятишек, которые тем временем уже успели окончательно проснуться, смотрели вокруг с любопытством и, казалось, даже не испугались. Уж очень были пышны плюмажи у гренадеров.

— Ах, — вздохнула мать, — они совсем изголодались.

И добавила:

— Молоко у меня пропало.

— Еды им сейчас дадут, — закричал сержант, — да и тебе тоже. Не о том речь. Ты скажи нам, какие у тебя политические убеждения?

Женщина молча смотрела на сержанта.

— Ты что, не слышишь, что ли?

Она пробормотала:

— Меня совсем молодой в монастырь отдали, а потом я вышла замуж, я не монахиня. Святые сестры научили меня говорить по-французски. Нашу деревню сожгли. Вот мы и убежали в чем были, я даже башмаков надеть не успела.

— Я тебя спрашиваю, каковы твои политические убеждения?

— Не знаю.

Но сержант не унимался:

— Пойми ты, сейчас много шпионок развелось. А шпионок, брат, расстреливают. Поняла? Потому отвечай. Ты не цыганка? Где твоя родина?

Женщина глядела на сержанта, будто не понимая его слов. Сержант повторил:

— Где твоя родина?

- Не знаю, — ответила женщина.
- Как так не знаешь! Не знаешь, откуда ты родом?
- Где родилась? Знаю.
- Ну, так и говори, где родилась.

Женщина ответила:

- На ферме Сискуаньяр в приходе Азэ.

Тут пришла очередь удивляться сержанту. Он на минуту задумался. Потом переспросил:

- Как ты сказала?
- Сискуаньяр.
- Так разве твой Сискуаньяр — родина?
- Да, это мой край.

Она нахмурила брови и сказала:

— Теперь я поняла, сударь. Вы из Франции, а я из Бретани.

- Ну и что?
- Это ведь разные края.
- Но родина-то у нас одна, — закричал сержант.

Женщина упрямо повторила:

- Мы сискуаньярские.
- Ну, ладно, Сискуаньяр так Сискуаньяр! Твоя семья оттуда?

- Да!
- А что делают твои родные?
- Умерли все! У меня никого нет.

Сержант, человек красноречивый и любитель поговорить, продолжал допрос:

— У всех есть родные или были, черт возьми. Ты кто такая? А ну, говори скорее.

Женщина слушала оцепенев эти окрики, похожие более на звериное рычание, чем на человеческую речь.

Маркитантка поняла, что пришло время снова вмешаться в беседу. Она погладила головку грудного младенца и ласково похлопала по щечкам двух старших.

— Как зовут крошку? — спросила она. — По-моему, она у нас девица.

Мать ответила:

- Жоржетта.
- А старшего? Этот сорванец, видать, кавалер.
- Рене-Жан.
- А младшего? Ведь и он тоже настоящий мужчина, гляди какой щекастый.
- Гро-Алэн, — ответила мать.
- Хорошенькие детки, — одобрила маркитантка, — посмотрите только, прямо взрослые.

Но сержант не унимался:

— Отвечай-ка, сударыня. Дом у тебя есть?

— Был дом.

— Где был?

— В Азэ.

— А почему ты дома не сидишь?

— Потому что его сожгли.

— Кто сжег?

— Не знаю. Война сожгла.

— Откуда ты идешь?

— Оттуда.

— А куда идешь?

— Не знаю.

— Говори толком. Кто ты?

— Не знаю.

— Не знаешь, кто ты?

— Да просто бежим мы, спасаемся.

— А какой партии ты сочувствуешь?

— Не знаю.

— Ты синяя? Белая? С кем ты?

— С детьми.

Наступило молчание. Его нарушила маркитантка.

— А вот у меня детей нет, — вздохнула она. — Все некогда было.

Сержант снова приступил к допросу.

— А родители твои? А ну-ка, сударыня, доложи нам о твоих родителях. Меня вот, к примеру, звать Радуб, сам я сержант, я с улицы Шерш-Миди, мать и отец у меня были, я могу сказать, кто такие мои родите-

ли. А ты о своих скажи. Говори, кто были твои родители?

— Флешары. Просто Флешары.

— Флешары — это Флешары, а Радубы — это Радубы.

Но ведь у человека не только фамилия есть. Чем они занимались, твои родители? Что делали? Что сейчас поделяются? Что они такого нафлешарничали твои Флешары?

— Они пахари. Отец был калека, он не мог работать, после того как сеньор приказал избить его палками; так приказал его сеньор, наш сеньор; он, сеньор, у нас добрый, велел избить отца за то, что отец подстрелил кролика, а ведь за это полагается смерть, но сеньор наш помиловал отца, он сказал: «Хватит с него ста палок», и мой отец с тех пор и стал калекой.

— Ну, а еще что?

— Дед мой был гугенотом. Господин кюре сослал его на галеры. Я тогда еще совсем маленькая была.

— Дальше?

— Свекор мой контрабандой занимался — соль продавал. Король велел его повесить.

— А твой муж чем занимался?

— Воевал.

— За кого?

— За короля.

— А еще за кого?

— Конечно, за своего сеньора.

— А еще за кого?

— Конечно, за господина кюре.

— Чтобы вас всех громом порасшибало! — вдруг заорал один из гренадеров.

Женщина подскочила от страха.

— Видите ли, сударыня, мы парижане, — любезно пояснила маркитантка.

Женщина в испуге сложила руки и воскликнула:

— О господи Иисусе!

— Ну-ну, без суеверий! — прикрикнул сержант. Маркитантка опустилась рядом с женщиной на тра-